

⁸² *Пісні Поділля*. С. 58—59.

⁸³ *Бернштам Т. А.* Орнитоморфная символика. . . С. 22—34.

⁸⁴ *Песни Сибири III*. № 152, проходочная; *Лирическая поэзия*. № 117. Новгород. губ. (Белозерск. у.).

⁸⁵ *ПКП*. № 449, русальная. Воронеж. губ.; *Песни Сибири III*. № 182, 183, 438, семицко-троицкие; *Песни вологодские*. № 49; *БФ*. С. 594; *Песни Сибири II*. № 502, купальская; *БФ*. С. 153, купальская; *Вяселле*. С. 253 и 324, свадебная; *ПКП*. № 649, купальская. Псков. р-н.

⁸⁶ *Шейн. Великорусс*. № 590, плясовая. Тул. губ. (Елифанов. у.); *Мажэйка*. № 90 (3), жатвенная.

⁸⁷ *Лирическая поэзия*. № 14, хороводная. Новгород. губ.; № 118, хороводная. Перм. губ. (Чердынск. у.). Вариант см.: Там же. № 117. Новгород. губ. (Белозерск. у.).

⁸⁸ *Шейн. Великорусс*. № 1371, причеть. Волог. губ. и у.; № 1645, причеть. Новгород. губ. (Крестецк. у.); *Фольклор Поволжья*. № 924—925. Костр. обл. (Нерехтский р-н); *БУ 1980*. № 208—209.

⁸⁹ *ТФН*. № 50, лирическая; *Песни вологодские*. № 71—74; *Кир*. № 706. Симб. губ. (Сенгилеевск. у.), вариант: № 592. Орл. губ. (Малоарханг. у.); *БУ 1980*. № 107. Горьк. обл.; *Лирика русской свадьбы*/Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973. № 486. Новолодож. р-н.

⁹⁰ *БФ*. С. 210, осенняя; *Шейн. Великорусс*. № 1823, свадебная. Псков. губ.

⁹¹ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1. С. 144. Пинеж. у. (Тр. этногр. отд. ОЛЕАЭ; кн. V, вып. 1).

⁹² *ГМЭ*, ф. 7, д. 395, л. 9. Волог. губ.; д. 558, л. 7. Костр. губ.

⁹³ *Там же*, д. 510, л. 14. Калуж. губ. (Жиздринск. у.).

⁹⁴ *Там же*, д. 1, л. 9. Владим. губ. (Александров. у.).

А. К. Байбурин

Обрядовые формы половой идентификации детей

У восточных славян, как и у многих других народов, ребенок до определенного возраста считается как бы бесполом существом. По отношению к младенцам применяются термины среднего рода (типа *дитя*) или собирательные (*мелочь*, *тварня*, *блазнота* и др.). На неопределенность их положения указывает, например, отмеченный Д. К. Зелениным русский обычай называть дитя мальчиком независимо от пола.¹ В конкретных локальных традициях установлены свои (часто весьма различающиеся) сроки, когда возникает необходимость придания существующим «природным» признакам пола качественно нового статуса «культурных» признаков. До тех пор пока такое преобразование не совершено, естественные

половые различия не имели смысла. Только с помощью специальных ритуальных операций они приобретали «истинное» значение, получали своеобразную санкцию на существование.

Наделению ребенка признаками пола у восточных славян посвящен ритуал пострига. У русских и украинцев этот обряд мог совмещаться с первым обрезанием волос и в таком случае совершался через год после рождения. Но в некоторых местах на Украине пострижение волос «хлопчика на чоловічу стать, а дівчинку на жиноцьку»² происходило в пятилетнем возрасте. У белорусов застрижки совершались на третьем году (для сравнения, у сербов — на третьем, пятом или даже седьмом году; у поляков — на седьмом году).³ По летописным данным обряд пострига над княжескими детьми и ритуальное посажение мальчиков на коня происходило в возрасте двух-трех лет.⁴

Судя по поздним данным, основными моментами пострига были: посажение ребенка на или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу жизнедеятельности (для мальчиков — конь, топор, борона, сабля, различные «мужские» инструменты; для девочек — веретено, прялка, чесальный гребень, пряжа и др.); обстрижение волос мальчику и заплетение косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду (мальчик впервые надевал штаны или шапку, а девочка — юбку, а иногда — платок); угощение всех участников ритуала.⁵

Разумеется, далеко не везде эта схема выдерживалась. Существуют сведения и о том, что различия в одежде проявлялись гораздо позже, в 15—16 лет. Эти факты, которые собрал и обобщил Д. К. Зеленин, дали ему основание видеть в них реликты обрядов, посвященных совершеннолетию.⁶ К этим и подобным воззрениям мы еще вернемся, а сейчас следует отметить, что фрагментарность сведений о постригах, относительно ранние сроки совершения и их большой разброс явились препятствием для их более или менее удовлетворительной интерпретации. Многих исследователей соблазняла возможность видеть в постриге следы инициации, но останавливали ранние сроки. «Если бы постриги, — писал Л. Нидерле, — совершались всегда в более поздние годы жизни ребенка, то мы с полной уверенностью могли бы полагать их обрядом, символизирующим переходом его в более зрелый

возраст, как это было у германцев. Но у славян именно древнейшие известия и относят этот обряд к младенческому возрасту и поэтому не остается ничего другого, как предположить, что он являлся символом перехода ребенка из-под опеки чисто материнской в попечение отцовское. . .»⁷ Думается, что в такого рода рассуждениях проявилась инерция понимать под инициацией лишь *puberty initiation* — посвящение в брачноспособное состояние, между тем как это один из многих видов инициаций (ср. серии инициаций в шаманских традициях).

Безотносительно к тому, как классифицировать обряд пострига (нет препятствий видеть в нем одну из инициаций), основной его смысл, видимо, заключался в том, чтобы утвердить с помощью культурных образцов половую принадлежность ребенка. Это, кстати, хорошо осознавалось еще в прошлом веке, ср.: «Встарь, а изредка и ныне, напр. у казаков, постригают всякого мальчика, при переходе из младенчества в отрочество; это обряд гласного заявленья о мужском поле его».⁸ Показательно, что для достижения этой цели ребенок не просто наделяется социальными признаками пола, но и «достраивается». Коррекцию подвергается его «природная» ипостась. Символически это выражается в манипуляциях с волосами.

Принято считать, что постриги касаются главным образом мальчиков. Действительно, во время этого обряда стригли почти исключительно мальчиков. Н. Я. Никифоровский, описывая белорусский вариант обряда, специально оговаривает, что у девочек волосы «не пьдсикаютца». Для девочек тот же смысл имеет первое заплетение косы. Например, на Гуцульщине заплетали косы девочке первый раз, когда ей минует 5 лет. Для этого специально приглашали «сохтівну жінку», которая заплетала косы «у хрест»: берет спереди, с затылка, с правого уха, с левого и завязывает на середине, говоря: «Як я зvezую усе волосе на тобі, аби сі тримало з усіх штирох боків, так аби с тебе везали з усіх боків парубки, одівц, дідицкі сини, тай котре маи старши парубки у краї; котрий тебе уздрит, то так аби за тобов умаївав, як риба за водов!»⁹ С этого момента девочку начинают одевать не просто в рубаху (как и мальчика), а в «женскую одежду». Интересно, что изношенную первую «настоящую» одежду не выбрасывали, а сжигали в печи,¹⁰ т. е. обращались с ней как с сакральной вещью (ср. сжигание первых

волос, первой нити и т. п.). При аналогичном ритуале у белорусов девочке (в десятилетнем возрасте) «непрерменно прокалывали уши и вдевали серьги».¹¹ Следует отметить, что в некоторых культурных традициях прокалывание ушей во время инициации символизирует появление своего рода сверхслуха, например способности слышать звуки сакральных инструментов.¹²

Ритуальные действия, совершаемые после крещения, направлены главным образом на то, чтобы постепенно «открывать» те органы ребенка, которые имеют решающее значение для ориентации человека во внешнем мире: глаза, уши, язык. В некоторых районах Украины через день после крестин совершались похристины (продирини, очедирини). Гостей собирают для того, чтобы «оченята продирать дитині», т. е. открывать глаза ребенку.¹³ Несколько позже (иногда через год) ребенка приподнимают за уши с пожеланием быстрого роста.¹⁴ Когда ребенок начинает делать первые шаги, «перерезают пути» между ногами. Если он долго не ходит, берут за руки и ведут через поле, посыпая каждый его шаг конопляным семенем, или на Пасху ведут его через ток.¹⁵

Особое внимание уделялось «развязыванию» языка и ума. Среди многочисленных запретов, окружавших первые годы жизни ребенка, одним из наиболее распространенных и устойчивых был запрет стричь волосы (и обрезать ногти) в течение первого года жизни. Мотивировалось это тем, что иначе можно «отрезать язык» и ребенок долго не будет говорить.¹⁶

Связь волос с языком и разумом в традиционных представлениях очень устойчива. Можно указать на такие широко известные пословицы, как: «Волос долог, а язык длинный. Волосу многоночко, а разуму маленько»; «Ни голосу ни волосу не верь»; «Голосок, что бабий волосок (тонок да долог)»; «Под один голосок, под один волосок, под одно платье»; «Голос в голос, волос в волос (точь-в-точь)». Для предупреждения перехода волоса (болезни) из тела мертвеца в живого человека в Новгородской губ. применялся такой текст: «Волос, ты волос, не выходи ты на голос, к живым не являйся, а в старом теле оставайся, из него не выходи, а с ним вместе приходи».¹⁷ Распространенный мотив выковывания языка кузнецом обнаруживает точную параллель в мотиве выковывания двух тонких волос (судьбы) в былинке о Святогоре. В игре с характерными вариантами названий

«в голосанку», «в волосянку» кто-нибудь из парней выходил на середину избы и громко произносил:

Ну, давайте-ка, ребята,
Голосянку тянуть,
Кто не дотянет,
Того за волосы-ы-ы-ы! . .

И парень, и те, кто с ним заодно, начинают тянуть «ы» до бесконечности. Остальные стараются рассмешить их, и если это удастся, таскают их за волосы.¹⁸ Ср. игру «в молчанку» (отчетливо связанную с темой смерти), в которой стараются рассмешить для того, чтобы прервать молчание. Вообще нужно отметить, что некоторые формы регламентации речевого поведения так или иначе эксплицируют связь волос и говорения. Например, староверы отказывались загадывать загадки с показательной аргументацией: «загадку сказать все одно, что волос сорвать — грех»,¹⁹ — ср. к этому неслучайный параллелизм в выражениях «сорвать волос» и «сорвать голос».

Не менее устойчива и связь волос с разумом, в частности, с памятью. Так, если долго не находится какая-нибудь вещь, то в Пошехонье «подвязывают черту бороду», для чего ножку стола следует перевязать платком и сказать: «Черт, черт, поиграй, да назад отдай».²⁰ В Вятской губ. считалось, что «сон будешь помнить до тех пор, пока не пошевелишь свои волосы».²¹ К этому следует добавить и исключительно большую роль волос в таких важных сферах, как гадание, прорицание (ср. сказочный мотив волос из бороды дьявола как орудия прорицания), ворожба.

Традиционная интерпретация этих и многих других примеров устойчивых схождений волоса и языка, разума основана на универсальных представлениях о связи волос с такими идеями, как судьба, душа, некая сила, заключенная в волосах, и т. д. Вероятно, эти понятия «принимали участие» в семантической судьбе интересующей нас связи, в ее закреплении и обогащении смыслами, но вряд ли с их помощью можно выявить исходные причины.

Между тем волос и язык (разум) в традиционных представлениях сопоставлялись прежде всего в качестве основных признаков животных (и шире — нелюдей) и людей. В принципе эти признаки могли сочетаться лишь с противоположными знаками. Животные (скот) характеризуются наличием шерсти (волосатостью) и от-

сутствием дара речи (немотой), человек — способностью говорить (мыслить) и отсутствием шерсти. В этом поле признаков волосы — то, что сближает людей и животных и в то же время нарушает симметрию распределения признаков. Сочетание длинных (косматых, нестриженных, небрунанных) волос и способности говорить — типичный признак демонологических персонажей (домовых, леших, русалок и др.). Ритуальное обрезание волос можно, видимо, рассматривать как искусственное выравнивание парадигмы. Обрезание волос каузирует способность говорить и в конечном счете определяет статус человека. Вместе с тем обрезание волос является очередной операцией по отделению ребенка от «природы» и включению его в «культуру». Обрезанные волосы символизируют его прежнее «докультурное» состояние. Новый статус закрепляется тем, что он наделяется «культурными» признаками (пояс, крест).

В течение первых лет жизни ребенок занимает промежуточное положение между нелюдью и людьми, постепенно приближаясь к миру людей. «Развязывание языка», символизируемое обрядовым пострижением, — важная процедура на этом пути: с этого момента ребенок начинает отвечать основным классификационным признакам, присущим человеку, в том числе и признаку принадлежности к определенному полу.

Как показывают исследования детства, возраст от 5 до 7 лет во многих (если не во всех) культурных традициях считается особым периодом.²² В этом возрасте дети сами начинают осознавать свою половую принадлежность, что проявляется, например, в характере детских игр, выборе партнеров и т. п. С другой стороны, именно половая идентификация считается признаком «появления ума» у детей.

Характерно, что даже в эту (крайне неопределенную с нашей точки зрения) ситуацию традиционная культура стремится внести полную ясность с помощью действий ритуализованного характера. В некоторых местах «появление ума» определяется по способности ребенка развязать пуповину, завязанную матерью при его рождении. Например, в Закарпатье (с. Прислоп) «предусмотрительная мать завязывает пуповину, отрезанную у ребенка, и куда-нибудь ее прячет; когда ребенок станет разумным, в пять-шесть лет, он должен ее развязать; иногда он может это сделать в три года. Если он сумеет

развязать пуповину, он сможет делать любую работу (як розвяже тот пуп, тоту усяку роботу може розв'язвти)». В другом селении (Вышня Колочава) П. Г. Богатырев, которому принадлежат эти сведения, записал следующий рассказ: «„Пуповину прячут где-нибудь во дворе. В три года мать дает ее ребенку, который должен ее развязать“. Сестра девушки, сообщившей мне об этом обряде, сумела развязать ее сама „и с того времени научилась самостоятельно (сама с себе) читать, писать и играть на скрипке. Она никогда не была в школе. Стоит ей посмотреть, как делают другие. и она тотчас может повторить то же самое“». ²³ Если же ребенок до 6 лет не сможет развязать свою пуповину, то «будет глупым, как скотина. . .». ²⁴

Обряду пострига близки и некоторые другие действия ритуального характера. В возрасте от трех до семи лет в западных областях России и в Белоруссии происходило «посвящение» девочки в пряжи: в торжественной обстановке она выпрядала первую нить, которую затем сжигали, а образовавшуюся золу девочка должна была проглотить, чтобы быть хорошей пряхой («ета зъяси — будщи хорошая пряха»). ²⁵ Как уже отмечалось, сжигали (или прятали) и остриженные волосы.

Этот обряд примечателен не только тем, что в нем отчасти дублируются основные символы и операции пострига. Выпрядение нити имело, по всей видимости, и более глубокий мифологический смысл. Не говоря уже об устойчивой связи нити с представлениями о судьбе, доле и под., следует отметить особую актуальность идеи протяженности для ритуалов, маркирующих начальные этапы жизненного пути — ср. использование необычно узких и длинных (до 2 м) свивальников, шнуров, поясов и др. ²⁶ С этой точки зрения выпрядение нити могло соотноситься с символическим оформлением основных характеристик жизненного пути и важнейшей из них — протяженности, длины века.

Для интерпретации обряда развязывания пуповины, видимо, важны не только прямые аналогии с предыдущими обрядами (типа волосы — нить — пуповина, выражение идеи протяженности и т. д.), но и представления о связи пуповины с категорией пола. Пуповину обрезали на предмете, характеризующем мужскую (если родился мальчик) и женскую (если девочка) сферы деятельности. Более того, пуповину отрезали на опре-

деленном расстоянии от тела для того, чтобы не было отклонений в сексуальной сфере.²⁷ Таким образом, обряд «развязывания ума» в неявном виде содержал и другой подтекст: «развязывание» сексуальной энергии.

---

¹ Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1930. Т. 9. С. 31.

² Кузеля З. Дитина в звичаях і віруваннях українського народу // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1907. Т. 8. С. 106.

³ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 184.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. Спб., 1895. Т. 2. С. 1266—1267; Зеленин Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // ЖС. 1911. Вып. 2. С. 235.

⁵ Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи... в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897. С. 33; Ястребов В. Обрядовое пострижение детей // КС. 1895. Т. 51. С. 1—2; Трунов А. Н. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Зап. ИРГО. 1869. Т. 2. С. 47; Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981. С. 177—223; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX—начала XX в. М., 1984. С. 106—107.

⁶ Зеленин Д. К. Обрядовое празднество... .

⁷ Нидерле Л. Указ. соч. С. 184.

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 346—347.

⁹ Шухевич В. Гуцульщина // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1902. Т. 5. С. 8.

¹⁰ Никифоровский Н. Я. Указ. соч. С. 47.

¹¹ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Спб., 1902. Т. 3. С. 10.

¹² Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 78.

¹³ Zelenin Dm. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Leipzig, 1927. S. 300.

¹⁴ Кузеля З. Указ. соч. С. 68, 106.

¹⁵ Zelenin Dm. Op. cit. S. 300.

¹⁶ Дивильковский. Уход и воспитание детей у народа: Первое детство // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. Архангельск, 1914. С. 599; Zelenin Dm. Op. cit. S. 304.

¹⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. Спб., 1903. С. 13.

¹⁸ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1903. С. 306.

¹⁹ Садовников Д. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Спб., 1876. С. 331 (примеч. к № 2367).

²⁰ Балов А. В. Очерки Пошехонья // ЭО. 1901. Вып. 4. С. 119—120.

²¹ Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5—6. С. 82.

²² Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 96—97.

²³ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного творчества. М., 1971. С. 235; ср.: Кузеля З. Указ. соч. С. 26 и др.

²⁴ Богатырев П. Г. Указ. соч. С. 252.

²⁵ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Спб., 1894. Ч. 2. С. 349—350.

²⁶ Маслова Г. С. Указ. соч. С. 104.

²⁷ Например, на Украине было принято расстояние «в три пальца». Мотивировалось это тем, что если пуповину отрезать ближе, то у мальчика половой член будет слишком короткий, а девочка будет слишком похотливой. См.: Кузеля З. Указ. соч. С. 25.